

САША ЛИБУРКИН

ДУРАКИ
ЖЕНЯТСЯ

Саша Либуркин

Дураки женятся

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54968556

*Дураки женятся. вторая книга рассказов: Русский Гулливер; Центр современной литературы; Москва; 2019
ISBN 978-5-91627-229-1*

Аннотация

Проза Саши Либуркина написана на том балансе между «литературой» и «нелитературой», которого требует состояние современного языка. Его миниатюры одинаково близки к посту в соцсетях и миниатюрам Ивана Бунина, понятны как искущённому читателю, так и новичку. По словам Виктора Куллэ о рассказах Либуркина можно сказать ровно то, что некогда писал Бродский о Довлатове: «двигало им вполне бессознательное ощущение, что проза должна мериться стихом...» Издается в авторской редакцию

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	9
Черепеховый суп	9
Дураки женятся!	10
Вы слушаете «Голос Израиля»	12
Куриные шейки	13
Никаких вопросов	15
Самое главное	16
Некошерная мерзость	18
Некорректное поведение	19
Что это за вера?	20
Что-то другое	21
Политическое дело	22
Разговор у калитки	26
Хорошие братья	28
Остался без Лорки	33
Поздно ночью	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Либуркин

Дураки женятся.

ВТОРАЯ КНИГА РАССКАЗОВ

Автор выражает благодарность Павлу Либуркину за помощь в издании этой книги

- © А. Либуркин, текст, 2019
- © В. Шпаков, предисловие, 2019
- © О. Лаврухина, иллюстрации, 2019
- © И. Павлова, фото, 2019
- © А. Николаенко, обложка, 2019
- © Русский Гулливер, издание, 2019
- © Центр современной литературы, 2019

Предисловие

Говорят, писатель начинается со второй книги. Ну, так вот она, вторая книга Саши Либуркина, отделённая от первой несколькими годами жизни и творчества. Скажете: годов миновало немало, а творческий выход не очень велик? Извините: каждый пишет, как он дышит, один по роману в год выдаёт, другой за это же время несколько коротких рассказов подарит читателю. Важно – чтобы читатель был рад этим подаркам, а текстовой объём – дело третьестепенное.

Рассказам Либуркина читатель рад, что подтверждается реакцией во время публичных выступлений, а также количеством лайков после опубликования очередного текста в Сети или в литературном журнале. Такой у автора способ апробации написанного: вначале рассказ предьявляется заинтересованной публике и лишь затем отбирается для последующего включения в книжку. То есть, данные тексты прошли своего рода отбор и были тщательным образом выстроены композиционно.

Композиция тут в чем-то повторяет первую книгу. Автор продолжает два любимых цикла рассказов, один из которых погружает нас в авторское прошлое, другой – окунает в современность. В прошлом были: молдавская глубинка, еврейская родня, друзья юности, девушки, а также книги (много книг!), коими зачитывался герой-рассказчик. В настоящем

тот же герой, только изрядно повзрослевший, совершает бесконечное путешествие по лабиринту божьего Петербурга. Мечта попасть в Северную Пальмиру осуществилась, вокруг масса интересных и талантливых людей, да и книжный голод, так терзавший в молодости, утолён. Настолько утолён, что книги начинают надоедать, так что от них приходится избавляться («Шолом-Алейхем»).

Рассказы в книжке имеют разный формат, некоторые вроде и рассказами не назовёшь – скорее, это зарисовки. Одна-две реплики, парочка фраз, и вот уже финал («Не кошерная мерзость», «Медом намазано» и проч.). Другие тексты более пространны, в них рассказывается какая-то история, проявлены когда характеры, когда нравы того же еврейского местечка или литературной тусовки («Политическое дело», «Хорошие братья»). В любом случае за объёмом автор не гонится – он тратит столько слов, сколько нужно для реализации конкретного замысла. Так что десять строчек в рассказе или пятьдесят – не суть важно, главное: выполнение авторской задачи.

Впрочем, есть тут и отступление от наработанных прежде стереотипов, точнее – попытка освоить новый прозаический формат. В третьем разделе автор поместил рассказ «Паломники», сравнительно крупный, занимающий едва ли не треть книги. Тут предьявлена пространная история о поездке пожилых паломников в женский монастырь, где рассказчик – в роли организатора и одновременно наблюдателя того мира, в

который мы попадаем крайне редко. В основанном на реальном событии рассказе, с одной стороны, проглядывает некий абсурд, с другой – автор пребывает на грани фола, едва ли не буквально лезет в «чужой монастырь» со своим «светским уставом». Два мира, сойдясь на несколько часов на одном пяточке, вскоре опять распадаются, но в итоге возникает тема для писания, а уж насколько успешно она воплощена – судить читателю. В любом случае сей формат может (точнее, должен) получить продолжение, и в следующей книжке, надо полагать, мы это увидим.

Три части, которые вроде бы разительно отличаются друг от друга, тем не менее, связаны, прежде всего – авторской интонацией и манерой изложения. Герой-рассказчик и там, и тут весьма откровенен, он не стесняется доверить читателю весьма пикантные эпизоды своей биографии. И в то же время – не позволяют себе скатиться в цинизм, в глумление над основами человеческого существования. Даже когда автор переступает общепринятые «правила приличия», он пишет не ради этого. Его интересует парадоксальность той или иной ситуации, ее анекдотичность, подчас – нелепость, которые следует подметить и воплотить в рассказе, по ходу – театрализовав исходное событие, что-то досочинив. Ну, так это ведь и есть писательство.

Короче, Либуркин продолжает движение вперед, балансируя на грани искренности и выдумки. Пожелаем ему успехов на этом пути.

Владимир Шпаков

Часть первая

Разговор у калитки

Черепеховый суп

– Когда мы приехали в эвакуацию, – рассказывала бабушка, – нас встречала толпа местных жителей. Я помню, кто-то громко кричал: «Жи́ды! Жи́ды приехали!» Но председатель колхоза позвал всех на собрание в клуб. Он был коммунист, он сказал: «Это советские граждане – евреи, эвакуированные от фашистов, они будут работать в нашем колхозе, также, как и все». И мы работали, зарабатывали трудовни, собирали хлопок. Мне было трудно делать норму, но со мной были мои дочери – Бэла, и твоя мама – Циля, и они мне помогали.

– Бабушка, а что вы ели? – спросил я.

– Что ели? Черепех на поле ловили и варили из них суп.

– Так вы ели черепеховый суп?! – воскликнул я восхищённо. – Вот повезло! А ты знаешь, что во Франции суп из черепехи считают роскошным деликатесом? Нам географичка рассказывала. Эх, мне бы хоть раз в жизни попробовать такую вкуснятину!

– Сынок, не дай Бог! – решительно ответила бабушка. – Ты даже представить себе не можешь, какая это гадость!

Дураки женятся!

Бабушку парализовало в шестидесятом. Я помню заплаканное лицо тети, и как она с горечью кому-то говорила:

– Скорая приехала вовремя, да толку с нее. Врач забыла прибор для измерения давления. Пока ездили туда и обратно, случился ещё удар. Сейчас пошли за пиявками, говорят, пиявки хорошо помогают!

Но пиявки не помогли, и левая сторона у бабки до самой смерти в семьдесят седьмом так и осталась парализованной. Сначала, года три, она вместе с дедом ещё ходила довольно далеко, в гости к моей тете, на Кишинёвский мост, потом лет пять гуляла только по двору, а последние десять лет она уже из квартиры не выходила. Дед все годы за ней преданно ухаживал: подавал горшок, мыл её и по утрам помогал надевать халат. Лишь иногда, вынося горшок, он кривил в усмешке губы и приговаривал себе под нос: «Дураки женятся!».

Вы слушаете «Голос Израиля»

Дед стоит, прислонив спину к кафельной печке, в синем свитере с вырезом и в клетчатой фланелевой рубашке.

– Слушай, дед, – спрашиваю я, – ты жил при румынах... ведь были публичные дома. А ты в них ходил?

– Сопляк! – сердито отвечает он. – А что это тебя так интересует? В публичные дома ходили солдаты. Порядочные люди к проституткам не ходили. Были чистые женщины – белошвейки, прачки... Да что ты понимаешь! Идиот!

Он уходит в соседнюю комнату, включает радио и долго настраивается на волну. И вот, наконец, сквозь адский треск и вой глушилок раздаётся заветное: «Вы слушаете "Голос Израиля"».

Куриные шейки

В середине семидесятых годов, в маленьком молдавском городе, жила одна женщина. Её звали Голда. Кроме племянника Бори, которого она воспитывала с трёх лет, родственников у неё не было. Голда была малограмотной, работала разнорабочей на заводе, а по вечерам ещё мыла полы в какой-то конторе. Женщина эта была очень бедной, и откладывала каждую заработанную копейку, мечтая пошить племяннику хороший костюм, купить модные туфли и рубашку – она хотела, чтобы её Боря на выпускном вечере выглядел не хуже других ребят. Возвращаясь домой поздно вечером, она гремела на кухне посудой, а потом заходила в комнату.

– Боря, почему ты не съел фаршированные шейки? – удивлённо спрашивала тётя Голда, шуря подслеповатые глаза. – Может тебе их подогреть?

– Я вчера их ел. А сегодня я не хочу! – отвечал племянник.

– А что же мне теперь с ними делать? – взволнованно говорила она. – Выбросить что ли? Там ещё полказана осталось!

– Делай, что хочешь. Выбрось, или ешь сама. Мне всё равно!

– Как же так? Я же на них деньги потратила! – приходила в сильнейшее беспокойство тётя. – Сейчас же иди на кухню и ешь шейки!

– Ешь сама свои шейки! А я не буду!

– Ах, так! Не будешь?

– Нет, не буду!

– Ну, тогда ты увидишь, что будет! – в ярости говорила она. – Я сейчас выйду на улицу, и буду кричать «геволт». Пусть все знают, какой у меня племянник!

– Иди, иди, покричи, – усмехался Боря, – пусть все соседи увидят, какая ты сумасшедшая!

Тётя Голда выбегала на улицу, приподнималась на цыпочки и пронзительно кричала, зажмурив глаза:

– Л-ю-юди! Л-ю-юди! Гев-о-о-олт! Гев-о-о-олт!

Боря выбегал за тётей на улицу и ласково обнимал её за плечи.

– Тётя, – говорил он, – пойдём в дом, я съем куриные шейки, вынесу мусор и даже вымою ноги на ночь. Не кричи. Ты разбудишь соседей.

Никаких вопросов

Давно, в молодости, к моему другу подошла девушка по имени Роза. Она была очень некрасивая.

– Игорь, – сказала она, – давай поженимся! У нас будет всё! Ты же знаешь, кто мой папа... Подожди... послушай: два раза в неделю ты сможешь спать где хочешь и с кем хочешь. И – клянусь! – никаких вопросов!

Самое главное

– Саша, ты каждый день слышишь, как мы с бабушкой, и мать с отцом говорим на идиш – и не можешь его выучить? Английский в школе учишь? А что ты на нём можешь сказать? Смеёшься? Идиот... а спроси нас, что хочешь, задай любой вопрос, мы тебе на трёх языках ответим, на русском, молдавском и на идиш! Зельцер восыр – это зельцерская вода, а фисташки – такие орешки, не знаю, почему их сейчас нет. При румынах в городском парке было кафе, твоя бабка, когда была девушка, любила туда ходить, там подавали зельтерскую и мороженое с фисташками... да, она любит об этом вспоминать. Когда было лучше при румынах, или сейчас? При советской власти лучше. Конечно, при румынах можно было своё дело иметь. У нас было своё дело. Ты видел котлован, который вырыли для нового дома быта? Там отрыли фундамент, так это фундамент нашей маслбойки. Я не ошибаюсь. Откуда знаю? Как мне не знать! Я на этой маслбойке с братьями три года отработал! А что потом? Случился неурожай семечек, и мы разорились. Обанкротились! При румынах было трудно. Я месяцами без работы ходил! Белый хлеб видели только по праздникам... а молдаване в деревне хлеба не знали, одну мамалыгу ели. Нет, при советской власти лучше. Смотри, Саша, я тебе объясню: самое главное всегда – это накормить семью. И вот сейчас ты идёшь

в магазин, покупаешь за двадцать шесть копеек белый хлеб, литр молока за копейки, сахар и рис, и варишь большой казан сладкой рисовой каши – и всё – обед готов, вся семья сытая! Это главное, а не мороженое с фисташками... Почта была? Дай мне, пожалуйста, «Известия».

Некошерная мерзость

– Во время войны, в эвакуации, выжила вся семья моего деда – все восемь человек, включая детей, – рассказал недавно мой друг Миша. – От голода умер только дедушка, он один голодал – и умер...

– Как же так? – удивился я.

– А вот так, – объяснил Миша, – все ели кошек и собак, а дед не мог.

– Но почему?

– Ты что, не понимаешь? Это же мерзость не-кошерная!

Некорректное поведение

– Саша, наш дом стоял в центре города возле Николаевской церкви. Его разбомбили во время войны. Отец умер, и мы стали сдавать комнаты заезжим еврейским коммерсантам. Название у заведения было, а как же? Гостиница «Бристоль»... не три комнаты, Нусим, а четыре. Ну, что ты спиришь, четыре! Прислугу мы не держали, моя мама сама убирала, а я ей помогала. Нет, Саша, комсомолкой не была. Меня один раз пригласили на заседание подпольной ячейки, но мать мне запретила, и я не пошла. Вот слушай, что было, однажды я зашла в комнату, чтобы убрать, но жилец, оказывается, ещё не ушёл, и стал ко мне приставать. Как ты не понимаешь... приставать! А я же была барышня, взяла, и ударила его по лицу... попала прямо в нос! У него пошла кровь. И тут открывается дверь, и входит моя мама. «Мадам, – говорит он, – какая ваша дочь жестокая. Посмотрите, что она сделала». Мама сказала: «Вы, наверное, с моей дочерью себя некорректно вели». Она дала ему платок, и мы ушли. Нусим, ты что, ещё не топил? Холодно. Принеси мне стакан чаю!

Что это за вера?

Когда я учился в пятом классе, был пионером, и несколько раз спрашивал свою бабушку, верит ли она в Бога?

– Нет, – решительно отвечала она, – в Бога я не верю. Я верю в человечество!

Что это за вера? Я не понимал.

Что-то другое

Однажды сестра рассказала мне, что когда ей было шесть лет, она, наша мама и бабушка убирали квартиру накануне какого-то праздника.

– Смотри, Анечка, – строго сказала ей бабушка, – главное – это всегда тщательно вытирать пыль. А если ты будешь плохо вытирать пыль – ты будешь плохой хозяйкой – и никогда не сможешь выйти замуж!

И примерно через месяц, подруге нашей матери – Зое, сделал предложение главный инженер одного из предприятий города. Свадьбу тогда, в пятидесятых, праздновали не в ресторане – стол накрыли в доме невесты. Гости уже расселись по местам, когда сестра забралась на стул, провела ладошками по верху шкафа и показала их маме.

– Смотри, мама, – сказала она изумлённо, – сколько пыли у тети Зои на шкафу... А она замуж вышла!

Мать покраснела, стащила дочь со стула, отвела в другую комнату и строго отчитала.

После этого случая, сестра уже не стремилась так тщательно вытирать пыль. Она поняла: чтобы выйти замуж, надо, наверное, уметь ещё и что-то другое!

Политическое дело

На осенних каникулах в шестьдесят шестом году вся наша семья гостила у родственников в городе Черновцы. Я учился тогда в третьем классе, а мой брат Павлик в пятом. Квартира, в которой жила родня, была большая, четырёхкомнатная, с длинными, прихотливо изогнутыми коридорами, и мы, с троюродным братом Лёней, весело носились по ней, видимо очень мешая взрослым отмечать ноябрьские праздники. Наконец, одна из наших тётушек сказала:

– Лёня, а что вы с утра до вечера сидите в квартире? Возьми братьев, и покажи им город. Поброди с ними по улицам, отведи их на Ратушную площадь, кстати, там, в кинотеатре, идёт новый фильм про войну. Сходите в кино, поешьте мороженого!

И вот мы не спеша прогуливаемся по очень красивой улице имени Ольги Кобылянской.

Холодно и сыро, льёт противный мелкий дождь, в лужах отражаются строгие фасады домов.

Но мы холода не чувствуем, нам втроём хорошо, мы рассказываем друг другу разные весёлые истории и анекдоты. В то время не было смешнее анекдотов, чем про Никиту Сергеевича Хрущёва.

– А этот, ребята, знаете? Никита Сергеевич приезжает на свиноферму, а ему поросята приветливо: «Хрю, хрю, хрю!»

«Кормить лучше. В следующий раз, чтобы выговаривали!».

– Лёнчик, а вот этот, приезжает Хрущёв в колхоз. «Ну, как живёте?» – шутит Никита Сергеевич. «Да ничего живём», – шутят в ответ колхозники.

– А как Хрущёв был в сумасшедшем доме?

– Ну, их много!

– Слушай, Павлик, а песенку про Хрущёва ты слышал?

– Нет, не слышал.

– Помнишь, Кобзон на «Огоньке» пел «Куба любовь моя»? Так вот сейчас есть такая же песенка про Хрущёва!

Лёня остановился, подмигнул нам, выпрямился, сделал вид, будто у него в руках автомат и тихонько, вполголоса, запел:

*Куба, отдай наш хлеб,
Мы отдадим твой сахар
Куба, Хрущёва давно уже нет,
Куба, иди ты на хуй!*

– Лёнь, когда вернёмся, ты мне запишешь этот стишок?

– И мне, пожалуйста, – попросил я.

– Конечно, ребята, мне не жалко! – великодушно согласился Лёня. – В нашем дворе все её уже знают!

– Слушайте, робя! – возбуждённо закричал Павлик, когда мы вышли на Ратушную площадь, – вот что я придумал! А что, если этот стишок написать на бумаге и подсунуть незаметно в сумку какой-нибудь училке, хоть твоей классной,

Саня, Варваре Александровне!

– А для чего?

– А для смеха! Она за платком – а там стишок! Вот будет хохма!

– Здорово ты, Пашка, придумал! Но я бы это не смог, – сказал, улыбаясь, Лёня.

Через несколько дней мы вернулись домой, началась вторая четверть, но идея, которую я услышал на прогулке в Черновцах, сильно меня увлекла. Я только и думал о том, как бы незаметно записать стишок о Хрущёве и подложить его в сумку классной руководительнице. И вот однажды, на большой перемене, увидев, что кроме двух дежурных и Варвары Александровны в классе никого нет, я вырвал из тетради в линейку двойной лист, достал из пенала новое пёрышко, вставил его в ручку, и, обмакнув перо в чернильницу, стал осторожно выводить букву за буквой, и слово за словом. Я писал медленно, красиво, с нажимом, и очень боялся поставить кляксу – я же писал этот стишок для учительницы! Вот, наконец, и последние два заветных слова «на хуй». Розовым квадратиком промокашки осторожно осушил написанный текст. Вторую часть плана, как подсунуть этот листок в сумку училки, я обдумать не успел. Чья-то наглая, предательская рука выхватила его у меня и закружила над головой.

– Варвара Александровна! – торжествующе закричал дежурный по классу Коля Олару, – смотрите, а Саша Либуркин глупости пишет!

... Они пришли к нам домой, классная руководительница и директор школы. Дед стоял навтыжку перед ними, растерянно улыбался, а рядом на стуле сидела парализованная бабка.

– Товарищ Халфин, – громко, с горечью говорила Варвара Александровна, выложив на стол злополучный листок, – я не понимаю, чему вы учите своего внука? Вы же советский человек, фронтовик, вам не стыдно? Куба – это же наш друг!

– Я шесть лет в параличе! – причитала в ответ бабка, приподымая над столом левую руку с сжатой в бессильный кулак пятернёй. – Что я могу? Это всё улица, улица виновата!

– Завтра с утра ждём родителей мальчика в школу, – решительно сказал директор. – Если они не придут, мы будем вынуждены сигнализировать по месту работы в партийный комитет. Поймите, – вздохнул он, – это дело политическое!

С тех прошло почти пятьдесят лет, своих старых – уже покойных учителей я давно простил, но я помню, я не забыл этот писклявый – отвратительный голосок доносчика: «А Саша Либуркин глупости пишет!».

Я его не простил. И не прощу!

Разговор у калитки

В тот день, зимой семьдесят первого года, я вернулся домой поздно.

– Где ты болтался? – спросил дед.

– Сегодня четверг, дедушка. Я был на станции юных техников. Мы строим железную дорогу.

– Тебя ждёт Виталик. Час уже, наверное, сидит.

Я вошёл в комнату. Мой друг поздоровался и тихо сказал:

– Уйдём отсюда, нужно поговорить, я бы не хотел, чтобы нас слышали.

Мы вышли на улицу, за калитку, и остановились. Было почти темно, нас освещали только бледная луна и слабый свет звёзд.

– Саша, – взволнованно сказал Виталик, – ты понимаешь, что через десять, ну, максимум, пятнадцать лет... мы точно будем жить при коммунизме?

Потом взглянул мне в лицо и спросил:

– Слушай, а ты готов жить при коммунизме?

– Не знаю. Я ещё об этом не думал... но, наверное, да... готов. А ты, Виталик?

– Я тоже готов. И знаю, каким нужно быть, чтобы жить при коммунизме. Главное – быть честным! И ещё – не жадным, уметь отдавать всё другим... понимаешь? Другим! Смотри, я дам тебе книжку, ночью прочтёшь, а завтра после

уроков обсудим. Мне пора домой, тётя ждёт. Пока! До завтра!

Я вернулся в свою комнату и прочитал название книги: Иван Ефремов, «Лезвие бритвы».

Хорошие братья

Мой одноклассник Витя уходил в армию и пригласил меня на проводы. Он позвонил и сказал, что очень хочет увидеться и что его отец уже съездил в деревню к родне, откуда привёз клёвое вино – «Изабеллу». Витя добавил, что собирает он только самых близких друзей, все мы друг друга знаем, ну, а девчонки будут очень симпатичные. В назначенный день, ровно в шесть часов, я пришёл к своему другу. Витя познакомил меня с двоюродной сестрой Катей, весёлой белокурой девушкой. Она мне сразу очень понравилась. Катя была уже студенткой, училась на втором курсе пединститута. Мы успели перекинуться только несколькими словами, и тут нас пригласили к столу. Когда все расселись, отец Вити поднялся и сказал тост, он пожелал сыну хорошей и лёгкой службы. Родители посидели с нами ещё минут десять, и пожелав всем приятного вечера, ушли и больше не появлялись. После их ухода мы ещё немного поболтали и попили вина, а потом стол быстро отодвинули, освободив место для танцев. Витя потушил верхний свет, оставив гореть ночник, который отбрасывал на стену таинственный зелёный отсвет; я пригласил Катю, и мы все стали танцевать под музыку вокально-инструментального ансамбля «Цветы».

Катя обвила мою шею руками и спросила, правда ли, что я знаю наизусть много стихов, ей сказал об этом Витя. Я от-

ветил, что да, особенно много Есенина, Блока, и такого хорошего поэта, может она не знает, Константина Бальмонта. Она сказала, что слышала, но не читала. После этого разговора я прижал к себе Катю теснее, и она доверчиво положила голову мне на грудь. Потом был быстрый танец, а вслед за ним Витя объявил «белый», и Катя пригласила меня. Я стал целовать её, сначала в щёки и шею, а потом мы стали целоваться в губы, взасос, но рукам я воли не давал, потому что считал – что для первой встречи это было бы слишком. Я только два раза танцевал ещё и с другими девушками, а вообще мы с Катей весь вечер были вместе.

Когда объявлялся перекур, выходили на веранду, где стоял большой старый диван и стулья. Разговоры велись обычные среди призывников: кто в какую часть может попасть на службу. Все единогласно согласились с тем, что нет ничего хуже, как попасть во флот, окажешься на корабле и тяни лямку целых три года, да и служба там тяжёлая. Дима, сказал, что неплохо было бы попасть в стройбат, конечно, там работать надо, но если повезёт, вернёшься домой при деньгах, и у родителей на первое время просить не нужно. Меня попросили почитать стихи. Я прочитал Блока, Есенина и по просьбе Вити одно стихотворение Бальмонта «Хочу», которое ему всегда нравилось:

*Хочу быть дерзким, хочу быть смелым,
Из сочных гроздий венки свивать.*

*Хочу упиться роскошным телом,
Хочу одежды с тебя сорвать!*

Я очень волновался, когда читал это стихотворение, потому что Катя не сводила с меня внимательного взгляда и ещё потому, что, если честно признаться, в свои семнадцать лет я ни с одной девушки и ни с одной женщины никаких одежд ещё не сорвал. Вечеринка прошла очень хорошо, прилично – никто не напился, и к половине двенадцатого все стали прощаться и расходиться. Ребята пошли провожать девушек, а Катю никуда провожать не нужно было – она жила в том же дворе, в соседнем доме. Я тоже собрался идти домой. «Жаль, что нужно уходить!» – вздохнул я вслух. «Слушай, Санечка, а давай я тебя провожу, – сказала Катя, взяв меня под руку, – заодно и прогуляюсь, так, недалеко, до парка». «Не заблудишься?» – спросил, улыбаясь, Витя. «Не волнуйся, не заблужусь», – улыбаясь, ответила Катя. «Ну, Саня, – шепнул Витя, обнимая меня на прощанье, – ты, в общем, не теряйся. Катька... с ней можно! Эх, не была бы она моя сеструха!» Мы с Катей вышли на улицу. Наверное, надо было ей рассказать какую-то смешную историю или почитать ещё стихи, но мне почему-то ничего не приходило в голову. Всё было так странно и хорошо, меня провожала замечательная девушка – раньше такого со мной не случалось. Я только спросил Катю, не холодно ли ей, и она ответила, что да, прохладно, и я накинул ей на плечи пиджак.

Мы вошли в парк, свернули на боковую тропинку, в сторону от главной аллеи, остановились под деревом и стали целоваться. Вдруг Катя неожиданно отстранилась. «Ты что?» – спросил я испуганно, но она постелила пиджак на листья и, ни слова не говоря, легла на спину, закинув правую руку за голову. Я растерянно сел рядом.

«Так... не теряйся, – лихорадочно думал я, – Витя сказал, что можно... но как?! Сначала, конечно, поцеловать... а потом? рукой под юбку? А дальше? а потом?!»

Пока я так раздумывал, ну точно, полминуты – не больше, Катя встала и сказала, что уже поздно, что завтра ей рано на учёбу, что непременно ещё увидимся, а провожать её не нужно, ей близко. Она ушла, и я остался один под деревом...

Когда Льву Николаевичу Толстому было тринадцать лет, его старшие братья, Григорий и Сергей, повели будущего писателя в бордель к проститутке. После того, как всё произошло, Лев Толстой, осознав своё падение, стал перед этой доброй женщиной на колени, плакал, рыдал и просил прощения, но, как он сам потом написал в своём дневнике, с четырнадцати до тридцати двух лет ни одной хорошенькой женщины мимо себя не пропускал, будь она хоть простого, хоть дворянского происхождения.

Какие замечательные братья были у Льва Толстого! Они его правильно воспитали! Меня же семья, школа и всесоюзная пионерская организация имени Ленина, воспитали, наверное, неправильно.

А с Катей я больше уже никогда не встречался, но иногда её вспоминал. Она была очень хорошая девушка, у неё были красивые – внимательные глаза и ласковые, нежные губы.

Остался без Лорки

Кажется, году в семьдесят восьмом мой брат пришёл с работы и сказал:

– Сейчас часа полтора беседовал у проходной с главным инженером нашей фабрики. Начитанный, умный человек! Хорошо знает поэзию!

– А кого из современных поэтов он любит? – спросил я с любопытством.

– Представь себе Вознесенского. Знает его стихи наизусть, и не раз бывал на вечерах в Политехническом, когда учился в Москве. Ну, я тоже в грязь лицом не ударил! Он думал, что твой брат – простой грузчик на складе. А ему грузчик – «Монолог Мэрилин Монро» выдал! Помнишь, я его готовил, когда поступал в театральный? «Кто там в приёмной скрипит лосиной? Невыносимо! Невыносимо!» Он сразу меня зауважал! Я ему, кстати, сказал, что у тебя есть «Дубовый лист виолончельный». А у него этого сборника нет. Слушай, Сань, он так загорелся, и предлагает тебе обмен: за Вознесенского отдаёт двухтомник Лорки. Может, поменяешься? А? Ты же Вознесенского не любишь, а Лорка, я знаю, тебе нравится.

Не помню, почему я не поменялся. Может, пожадничал. Так и остался без Лорки!

Поздно ночью

поэту Дале Курской

Я проснулся от громкого стука в дверь и включил настольную лампу.

– Нусим... – закричала бабушка, – Нусим, открой, это Павлик!

Дед подошёл к двери и открыл её, впустив брата.

– Вот, – раздражённо произнёс дед, – явился... Артист народного театра! Где ты шляется? Идиот!

– Дед, ну, извини, – устало сказал брат, – у нас была репетиция.

– Репетиция? В два часа ночи?

– Ты не понимаешь! Через неделю мы сдаём спектакль...

– Павлик! – крикнула бабка, – я же не могу заснуть. Где ты был? Тебя набыют хулиганы!

– Бабушка, не волнуйся, я уже дома!

– Завтра тебе к семи на работу, а ты ещё с Сашей болтать будешь, – сердито сказал дед. – Верхний свет не включать. Если сам не поднимешься, так и знай – я налью тебе на голову холодную воду...

Как только за ним закрылась дверь, Павлик подошёл ко мне, и, торжествуя улыбаясь, сунул под нос свои руки:

– Понюхай, понюхай! Мои пальцы... Они пахнут женщи-

ной! Я сейчас был с женщиной, Саня!

– Тише! Дурак... Убери! Что, опять? Где ты испачкал плащ? Он весь в пыли.

– Плащ – ерунда.

Брат снял его, бросил на стул и сел рядом.

– Я был с Аллочкой, сейчас расскажу.

– Павлик... – вдруг громко крикнула бабка, – не ходи поздно... смотри – попадёшь в яму Куприна!

– О чём она? – тихо спросил брат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.